

Литературная газета

№ 22 (513)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Суббота, 20 апреля 1935 г.

КУЛЬТУРА КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ

Победа социализма в нашей стране обеспечила поднятие материальной обеспеченности широчайших масс трудящихся. Нищую, забитую единичную деревню пролетарская революция вывела на широкий социалистический путь развития. Колхозный строй обеспечивает расцвет культурной, зажиточной жизни деревни. Повышается культурный уровень масс, растут их запросы. Украинская делегация на втором всесоюзном съезде колхозников-ударников в своем письме к т. СТАЛИНУ писала следующее: «Вырос культурный уровень колхозного села и растут ежедневно культурные его потребности. И старые и малые требуют радио и патефоны, книжки, физкультурные принадлежности». «Мы хотим жить, — говорят члены делегации, — так, как живут в городе».

Колхозная деревня стала СПЛОШЬ ГРАМОТНОЙ. В текущем году в деревенских школах Советского союза учатся 16.890.000 детей. В настоящее время в деревне насчитывается 53,3 тысячи колхозных клубов и библиотек. В деревне 17.565 киноустановок, из них несколько сот звуковых. Кроме огромнейшего количества театральных самодеятельных кружков, имеющих почти при каждой избачитальне, по всему Советскому союзу насчитывается в настоящее время около 200 больших колхозных театров городского типа. Большое количество библиотек, агитфургонов свидетельствует о могучем росте культуры в деревне. Однако рост культурных потребностей деревенского населения опережает возможность его удовлетворения.

Особенно остро в части удовлетворения художественных запросов колхозных масс. Недостаточно хорошо мы умеем организовать и художественно самодеятельность колхозника. А отсюда, из гущи народа, растут подлинный талант, оплодотворяющие советское искусство. На так давно была организована выставка картин колхозных художников. На выставку поступило 2500 картин, из которых было отобрано 600. Свежесть краски, острота тематики, активное отношение и действительности, передаваемые черты творчества этих художников. Многие картины свидетельствуют о том, что отсюда придут в живопись крупнейшие дарования.

Сейчас проходит смотр колхозно-совхозных стационарных театров городского типа. Этот смотр является лучшим подтверждением того роста и расцвета художественной культуры, который сейчас переживает колхозная деревня. Они ставят лучшие пьесы советских драматургов, создают полноценные, художественные сценические образы, в ряде случаев дают самостоятельную и смелую режиссерскую трактовку идеи пьесы. Смотри колхозно-совхозных театров показывают, что из среды рабочих совхозов, колхозников растут подлинно артистические силы.

В колхозах советской страны созданы литературные кружки. Они проводят в колхозных массах литературно-художественную работу. Кроме творческой работы в пределах кружка они проводят чтение художественной литературы с колхозниками. Этой работой мы недостаточно руководим. Массовый сектор правления Союза не уделяет постоянного всей этой работе.

А между тем партия придает большое значение развертыванию колхозно-художественной самодеятельности. Донбасский пленум МК ВКП(б) по вопросу о развертывании культурно-массовой работы в деревне указал на необходимость в течение 1934 — 35 г. ознакомить всех колхозников Московской области с двумя-тремя лучшими произведениями современной и классической литературы. Роль литературного колхозного кружка таким образом повышается. Предложение А. М. Горького о создании «Истории деревни» должно привлечь пристальное внимание советских писателей.

Вокруг редакции «Истории деревни» необходимо объединить все писательские силы, работающие над деревенской тематикой. Создание книги «Истории деревни», новые произведения советских писателей, посвященные современному этапу развития колхозного строя, борьба за культурную, зажиточную жизнь — вот что обязаны мы, советские писатели, дать ударнику полей, колхозно-совхозному читателю. Вместе с редакцией «Истории деревни» необходимо разработать план участия в этой работе. «История деревни» привлечет большое количество сил советских писателей, историков, будут организованы выезды на места для сбора материалов. Эти выезды следует использовать и для проведения литературно-художественной работы писателей в колхозах.

Мы плохо знаем своего читателя, наш колхозный читатель художественной литературы не изучен нашей критикой. Бюро секции критиков необходимо включиться в работу по «Истории деревни», чтобы совместно с редакцией поставить на научную почву изучение колхозного читателя, его интересов, запросов, уровня понимания им тех образов, которые созданы советской литературой. И здесь в этой работе почетное место принадлежит критике. Культура деревни растет. Запросы колхозников ширятся, и мы, советские писатели, должны создать романы и поэмы, достойные нашего читателя.

Задачи огромны, требования высокие, тем с большим упорством будем работать.

КНИГА-БОЕЦ

Вышел из печати полный стенографический отчет второго всесоюзного съезда колхозников-ударников. Эта книга — один из самых ярких документов эпохи построения бесклассового социалистического общества. Речь делегатов съезда, ударников колхозных полей, совсем недавно звучала на всю страну. Им уделено было почетное место на страницах наших газет. Принятый съездом новый колхозный устав — эту конституцию зажиточной жизни большевистских колхозов — с величайшим вниманием изучала вся страна. Сейчас весь этот богатейший материал сконцентрирован в одной прекрасной изданной книге. Перечитывая ее, читатель еще раз мысленно переживает дни колхозного съезда. Еще раз встает перед ним во весь рост все величие исторического дела, совершающегося в нашей советской деревне под руководством большевистской партии, под водительством великого Сталина.

Книга каждой своей страницей иллюстрирует слова вождя, произнесенные с трибуны XVII съезда: «Старая деревня с ее перекопью на самом видном месте, с ее лучшими домами усадьбы, поля, куда на первом плане, с ее полуразрушенными избами крестьян на заднем плане — она исчезает. На ее место выстает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, мототкалками, автомобилями» (И. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии 26 января 1934 г.).

Почти каждый оратор съезда начинает свою речь кратким рапортом Советской стране. Растут посевные площади; растут урожайность колхозных полей, не задерживая частичной застухи 1934 г.; все круче поднимается кривая животноводства — всюду молодые и свиноводческие фермы дают солидный прирост; денежные доходы колхоза позволяют развивать строительство — в колхозах возникают кирпичные заводы, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, крупные ремонтные мастерские. Давид Богораз Керес, плотник колхоза «Единство» Республики имевшей Поволжья, говорит: «Я, колхозник-строитель, строю в Энгельском колхозе Непрерывный школы, силосные башни, клуб стоимостью 38.000 рублей. Все это построено моими руками. Я своими руками строю школу стоимостью в 225.000 рублей».

Рост колхозного хозяйства теснейшим образом связан с ростом культуры в нашей колхозной деревне. Достаточно просмотреть фотографии, иллюстрирующие книгу, чтобы убедиться совершенно в том, что крестьянина, далекого от прежнего неопороченного, косноязычного, заросшего дремучей бородой «музичка российской».

Вот один из бесчисленных примеров бурного расцвета культурного строительства в деревне (речь И. П. Борнеса, бригадира колхоза им. Петровского, Киевской области). «Когда мы говорим о культурных условиях, о культурной зажиточной жизни, это не значит, что надо есть

салом и покрываться солодой; это значит — есть сало и жить по культурному, иметь возможность послушать радио, посмотреть кино и так далее».

Если в 1932 г. у колхозников было 12 радиоустановок, то сейчас мы имеем 120 радиоустановок, кроме того, 109 граммофонов и патефонов, а также 52 велосипеда.

Мы имеем уже в 1935 г. звуковой кинотеатр на 350 мест. Мы имеем сейчас 32 человека, которые играют в струнный оркестре. В 1932 г. мы еще не знали, что такое духовой оркестр, а сейчас сами колхозники играют в этом оркестре и сама наслаждаются музыкой.

Если в 1932 г. мы имели маленький клуб, то в 1934 г. мы имеем клуб на 620 мест и 11 читален. В 1934 г. у нас построены баня, парикмахерская, фото-лаборатория, хата-родильня, ветеринарная лаборатория, и к 1 мая 1935 г. мы открываем еще одну декорацию, которая будет лететь людей электрическим током...»

По страницам книги проходит незабываемая галерея командиров колхозного строя, людей, до революции влиятельных жалкую долю батрака и еще не так давно сидевших на гнилом стуле в бедном наделе. Сейчас в каждом из них поражает, насколько быстро и прочно они осваивают большой размах общественно-хозяйственной работы, им порученной, как «американская деловитость» в сочетании с русским революционным размахом сквозит в этих не всегда статистически-скалярных речах. Особенно глубокое впечатление производят выступления женщин-колхозниц. Каждое из них — живое свидетельство тому, что женщины в колхозах — большая сила. Достаточно взять речь Левченко, Англиной, Базандаряши, Утебаевой — в них звучит полнокровное, авторитетное, исключительное преданность делу, настоящей государственной размах в работе.

На всей работе съезда лежит отпечаток величайших исторических успехов советского демократизма.

Тем же сельхозному изданию, в дополнение к большой книге о колхозном съезде, серия небольших брошюр, где материал съезда разбит по отраслям (Ударники колхозов и животноводства, Женщины на тракторе и др.) и вот среди этих брошюр самая волнующая — «Мы предлагаем вам всеобщую работу на колхозном съезде». В ней — несколько записей впечатления членов президиума съезда о том, как им пришлось руководить работой этой огромной массы людей, сжавшихся со всех концов советской земли.

Татьяна Петровна Шаповалова пишет: «Тов. Яковлев 14 февраля сказал мне в Большом Кремлевском дворце на утреннем заседании: — Садись, тов. Шаповалова, и представляйся».

У колхозного порога навеки кончилась моя батрацкая, распрямилась моя спина. День, когда я предстала перед вами, на всеобщем съезде колхозников-ударников, останется памятным на всю жизнь. И всю жизнь не забуду я, как подошел ко мне тов. Сталин и спрашивает: «Эти ты вчера представлялась? Вот молодец!»

Каковы основные выводы, напрашивающиеся у всех, кто внимательно следил за ходом съезда? В первую очередь приходится констатировать, что подавляющее большинство колхозных наших театров можно уже судить без всяких скидок на их молодость и другие «влияющие» обстоятельства: это — коллективы, большей частью руководимые людьми значительной сценической культуры и опыта.

Особенно ценным и заслуживающим всяческого поощрения началом является то, что в большинстве случаев эти коллективы уже имеют репертуар, который в своем составе имеет классические произведения, как то: «Скупость», «Визит к бабушке», «Скупость», «Скупость» и т. д.

Второй вывод: колхозный артист, требуя показа нашей социалистической действительности во всей ее сложности и многообразии, в то же время обнаруживает огромный интерес и классической драматургии. Колхозные театры идут навстречу этим требованиям: классика занимает в их репертуаре почетное место.

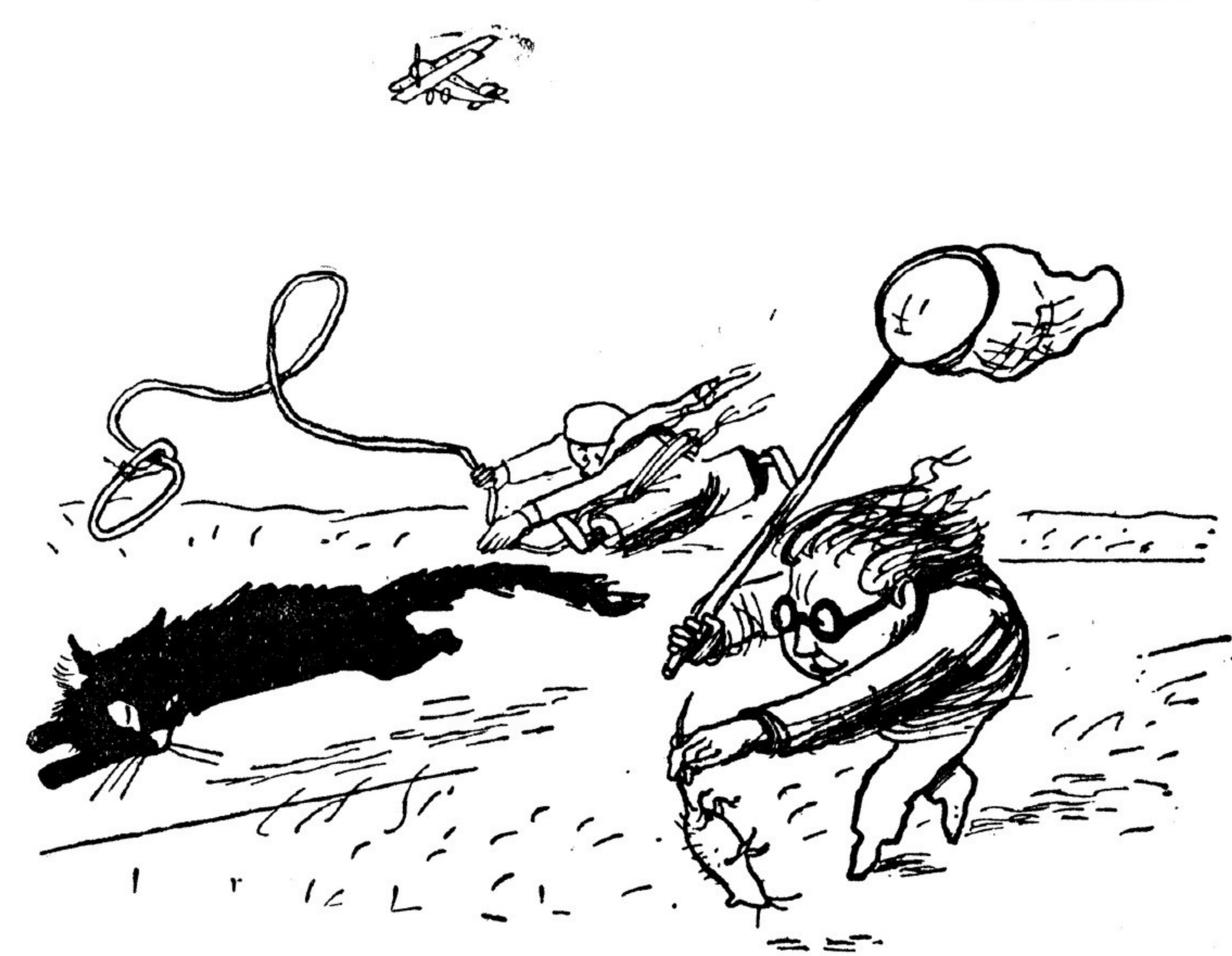
Но следует признать, что иногда как выбор классической пьесы, так и трактовка ее определяется капризом вкуса того или иного режиссера. Ужасно то, что на постановку «Недоросля» в 4-м Горьковском колхозном театре. Режиссер — сотрудник театра им. Вахтангова т. П. Антопольский — обнаружил в этом спектакле изрядную склонность к трюкачеству, к тонкому «визису», к умственным головоломкам. Такой подход, несомненно, ослабляет, а иногда и вовсе уничтожает и художественную и познавательную ценность классического произведения.

Необходимо придумать над этим. Необходимо нашей печати, занимающейся вопросами театра и драматургии, и в первую очередь, конечно, журналу «Колхозный театр»

ЧЕРНАЯ КОШКА

На совещании писателей, композиторов и кинорежиссеров было решено убить черную кошку, пробежавшую между писателями и кинорежиссерами.

Рис. А. Каневского

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ БЫКОВА

Подлой рукой классового врага, выстрелом из-за угла, убит один из талантливых авторов-горняков, Григорий Семенович Быков. Он был одним из передовых работников на Высокогорском железноруднике, неутомимо разоблачал врагов социалистического дела — кулаков-подрабочих, вредителей, оппортунистов.

«Были горы Высокой», рассказанные о старой и новой жизни тагильских горняков, создавались в борьбе за социалистическую реконструкцию рудника, авторы воспитывались и росли в борьбе за производственный план и в процессе пионерской работы над книгой. В своих рассказах товарищ Быков вскрыл деяния белогвардейских дружинников Горихово-Деруна. Николая Котова, самогонщицы — и доносчицы при белых — Арину Кривоуриничу и ее сына Петра, отягченного бандита и вредителя, портившего механизмы на руднике. Быков разоблачал кулацкие жульнические махинации подрабочих Василия Пылаева и братьев Горбуновых, известных на руднике под кличкой «духов».

Начав с маленькой заметки в стенной газете, Быков стал активным работником в рудничной многотиражке, в газете «Тагильский рабочий» и дал

в «Были горы Высокой» отличные рассказы, написанные ярко и гневно, с большевистской ненавистью против врагов, с горячей радостью за успехи социалистического дела.

Будучи с делегацией авторов в Москве, т. Быков хорошо рассказывал о том, как обсуждалась книга «Были горы Высокой» во всех цехах рудника и как она подняла настроение у горняков-ударников в борьбе за план.

Подлый враг, издающая гадина остатком своего яда поражает лучших наших людей.

Выстрел в мужественного молодого большевика произведен вслед за появлением книги «Были горы Высокой» на руднике.

Убийцы понесут заслуженную кару.

Ударная работа на руднике, неуклонная борьба с врагом в любых его проявлениях, подготовка нового издания книги — таков будет ответ горняков на зверское убийство т. Быкова.

М. ГОРЬКИЙ

АВТОРЫ КНИГИ «БЫЛИ ГОРЫ ВЫСОКОЙ» РАБОТНИКИ РЕДАКЦИИ «ИСТОРИИ ЗАВОДОВ»

Письмо из Ленинграда

ТЕАТРЫ БЕЗ ДРАМАТУРГОВ

Мы — на премьере ленинградского театра. Спектакль кончился. Подымается занавес. Выходит режиссер, художник, композитор... Но редко среди авторов спектакля выходит на сцену и драматург. Советский драматург не такой уж частый гость ленинградских драматических театров.

Причина? Драматургия отстает, — скажут нам руководители театра. Это верно. Но может ли отставание драматургии быть только «случайным делом» писателя? И надо ли говорить, что в преодолении этого большого рода должны сыграть театры?

Но ленинградские театры предпочитают не брать за трудную роль.

Мы не знаем драматурга, который вырос бы на «благоприятной почве» этих театров. Но мы знаем, что основные ленинградские театры часто забывают и достижения нашей драматургии. Даже лучшие пьесы советских драматургов почему-то идут здесь «вторым экраном». «Губель оскар» поставлена в театре Госдрамы через год после московских театров. «Чужесный слеп» поставлен только в этом сезоне. История с пьесой ленинградского драматурга Я. Горева (о Беломорском канале), поставленной во многих городах и лишь на днях появившейся одним из молодых театров (ленинградским Новым театром), очень показательна.

Сейчас Ленцова писателей начал борьбу за высокохудожественную советскую пьесу и, одновременно, борьбу за эту пьесу в репертуаре ленинградских театров. Заполняя в Ленинграде участки драматургии, драматургия в репертуаре колхозных театров. В частности, необходимо узнать, изучит ли сам колхозный артист по этому вопросу: не приходится сомневаться в том, что этот артист сумеет очень четко и полно раздельно сказать, почему он так интересуется классикой и чего он от нее требует.

Во весь рост встает, наконец, в свете закончившегося сезона и проблема кадров совхозно-колхозного театрального движения.

Весь тот, что мы пока делаем социалистической деревне в области культуры, в частности в области театра, это — лишь ничтожная часть того, что деревня требует от нас. «Сталинский устав», пролагающий новую пьесу в борьбе за зажиточные и большевистские колхозы, следует нас в ближайшее время светителями еще большей тяги этих колхозов к культуре и искусству. Нужно к этому готовиться. Главным резервом, откуда колхозному театру придется черпать свои основные силы, как показала практика этого театра до сих пор, может явиться лишь самодеятельное движение. Это объясняет нас сейчас по-новому ставит вопрос о помощи самодеятельному движению, о руководстве им, об использовании всех его возможностей. Можно было бы наговорить немало «горьких истин» по поводу отношения наших литераторов и театральных организаторов к самодеятельности последнего периода. Ни для кого не секрет, что здесь и до сих пор приходится встречаться с редчайшими высокомерными снобизма, с абсолютным непониманием специфики этого самодеятельного искусства, которое создается миллионами людей в нашей стране.

Со всеми этими настроениями, со всеми этими пережитками нужно бороться самым жестоким и решительным образом. Мы неуловимо проливаемся на пути к полнокровно-народному, социалистическому искусству, и все, что хоть в какой-нибудь степени может затормозить наше движение, должно быть и будет беспощадно разоблачено и отброшено.

Б. ПЕСТ.

Дневник литературной газеты

20 АПРЕЛЯ

Закончился воскресный смотр совхозно-колхозных театров. Трудно переоценить значение этого события, по праву привлекающего самое пристальное внимание всей московской театральной общественности. Это была блестящая демонстрация успехов культурной революции в нашей стране, блестящая демонстрация идейного роста нашего массового зрителя, темнов ликвидация «идиотизма деревенской жизни», творческого подема, охватившего самые широкие слои населения великой советской страны.

В социалистической деревне возникает подлинное театральное искусство, ничего общего не имеющее с тем псевдо-народным искусством, которое

так усиленно культивировалось в до-революционное время всякими просветителями из либеральных мейнатов и из чайных «Союза русского народа».

Миллионы, впервые опутанные себями гордыми строениями новой жизни, наследниками всех завоеваний человеческой культуры, сейчас требуют, чтобы с ними говорили на скользящем языке, а по-серьезному, чтобы им давали искусство полноценное, зрелое. Достаточно было послушать предшествовавшие спектаклям выступления некоторых руководителей колхозных театров, чтобы убедиться, как это и явлено умеет новая деревня оценить культуру, которую кто-то не прочь еще там насладиться, и какой любовью, какой признательностью, какой удивительной

теплотой она окружает тех работников искусства, которые на своем участке так же борются за высокое качество продукции, как колхозники на своих социалистических полях.

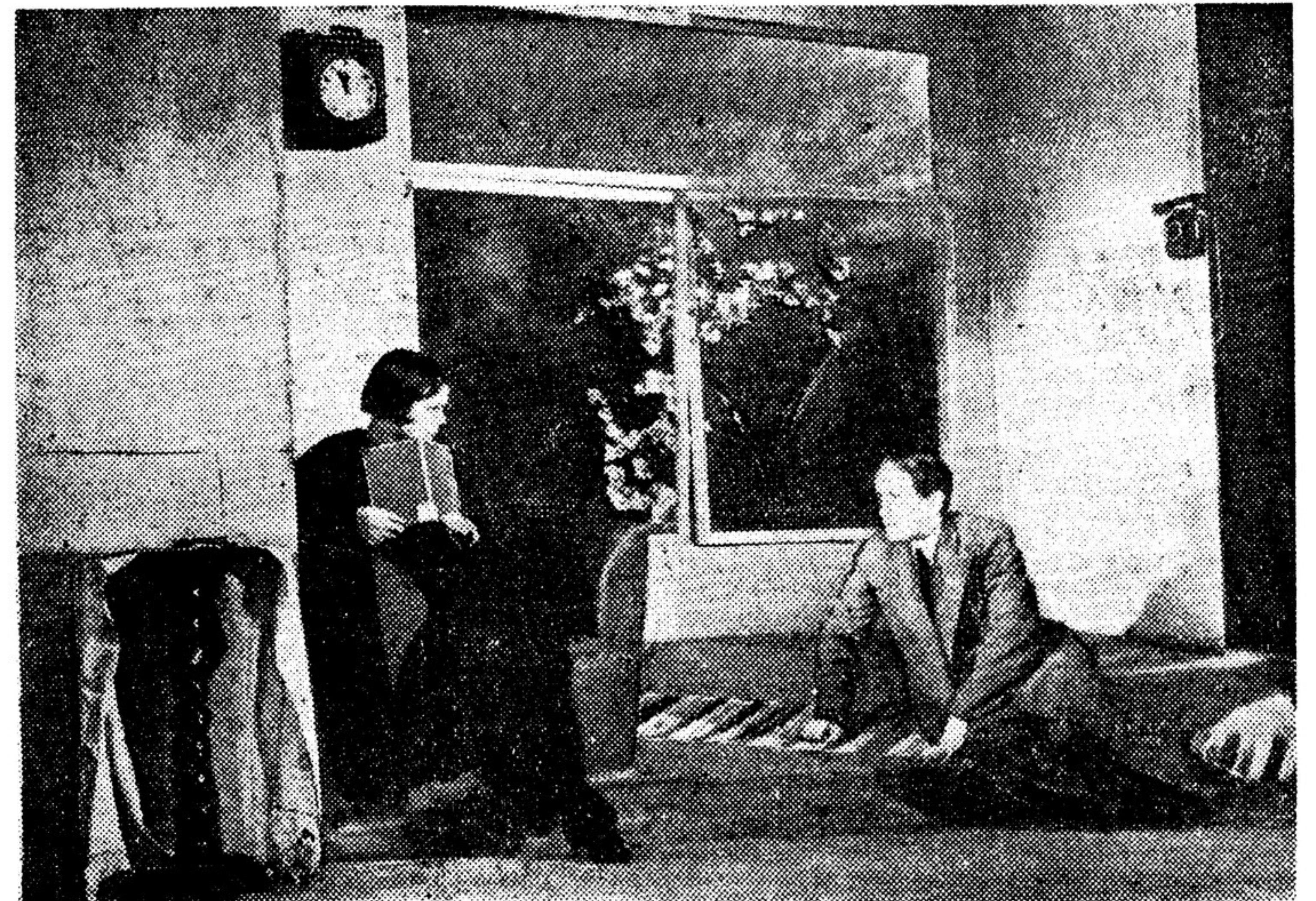
Каковы основные выводы, напрашивающиеся у всех, кто внимательно следил за ходом съезда? В первую очередь приходится констатировать, что подавляющее большинство колхозных наших театров можно уже судить без всяких скидок на их молодость и другие «влияющие» обстоятельства: это — коллективы, большей частью руководимые людьми значительной сценической культуры и опыта.

Особенно ценным и заслуживающим всяческого поощрения началом является то, что в большинстве случаев эти коллективы уже имеют репертуар, который в своем составе имеет классические произведения, как то: «Скупость», «Визит к бабушке», «Скупость», «Скупость» и т. д.

Второй вывод: колхозный артист, требуя показа нашей социалистической действительности во всей ее сложности и многообразии, в то же время обнаруживает огромный интерес и классической драматургии. Колхозные театры идут навстречу этим требованиям: классика занимает в их репертуаре почетное место.

Но следует признать, что иногда как выбор классической пьесы, так и трактовка ее определяется капризом вкуса того или иного режиссера. Ужасно то, что на постановку «Недоросля» в 4-м Горьковском колхозном театре. Режиссер — сотрудник театра им. Вахтангова т. П. Антопольский — обнаружил в этом спектакле изрядную склонность к трюкачеству, к тонкому «визису», к умственным головоломкам. Такой подход, несомненно, ослабляет, а иногда и вовсе уничтожает и художественную и познавательную ценность классического произведения.

Необходимо придумать над этим. Необходимо нашей печати, занимающейся вопросами театра и драматургии, и в первую очередь, конечно, журналу «Колхозный театр»

«Платон Кречет» А. Корнейчука на сцене колхозно-совхозного театра Кировского края. (Платон Кречет в исп. Дмитрия, Лида в исп. Солпной, второй акт, III картина)

Началогода
КРАЕВЫЕ ЖУРНАЛЫ

ТЕМА ПОЭТА

ПРАВИЛЬНАЯ ЛИНИЯ

получилось гладенькое, но вальное «сочинение на тему» — о преподавателе истории, любимом предмете, во не умеющим заинтересовать ни детей...

Очень интересным мог бы быть следующий раздел — «Люди нашей страны», и он действительно интересен там, где просто, бесхитростно и содержательно рассказывают о себе удальники солидаментных кружков...

Вряду с обычными для любого толстого журнала разделами художественной литературы, критики и публицистики мы находим в нем ряд портретов известных людей области («Люди нашей страны»), интересные материалы по ее истории, два очерка, посвященных сегодняшнему роду ее богатств...

Таким образом, журнал имеет все предпосылки для того, чтобы в ближайшем будущем стать не только московским изданием, но и настоящим творческим лицом.

Другой вопрос — с какими качествами показателями реализует он свою программу.

Две напечатанные в первом номере беллетристические вещи далеко не разноречивы. Повесть О. Марковой «Варвара Потехина» имеет ряд недостатков, которые особенно досаждают, что они портят порой яркую и живую страничку...

Отого никак нельзя сказать по поводу второй, напечатанной в журнале вещи — «Стрелания молодого историка» С. Дзюбинского. Она слишком бедна конкретным материалом, чтобы выдаться в живой очерк, а ее вымысел достаточно глубокий, чтобы его можно было развернуть в интересный рассказ.

ПРАВО ВЫБОРА

Большая часть журнала занята незаконченным романом М. Армена из жизни воспитанников американского приюта («Американское общество»)

Хороши в «Ежемесячнике» стихи Судеймана Рустама «Ленин», Наира Варяна «Ленинская» и два стихотворения Ваана Тарнака.

В стихотворении Рюрика Ивнева слышном явное подражание Маяковскому. Ни в размере, ни в образах, ни в содержании нет ничего оригинального.

В том же выпуске «Ежемесячника» в отделе «Проза и стихи» помещены стихотворения Наола Яшвиля, Самел Кошварова.

«Литературное Знамя», № 1. Январь 1935.

Воспитанников американского приюта («Американское общество») — это и есть главный материал романа...

Воспитанников американского приюта («Американское общество») — это и есть главный материал романа...

Воспитанников американского приюта («Американское общество») — это и есть главный материал романа...

Воспитанников американского приюта («Американское общество») — это и есть главный материал романа...

Воспитанников американского приюта («Американское общество») — это и есть главный материал романа...

Воспитанников американского приюта («Американское общество») — это и есть главный материал романа...

Воспитанников американского приюта («Американское общество») — это и есть главный материал романа...

Воспитанников американского приюта («Американское общество») — это и есть главный материал романа...

Гнезда... Бунинская тишина... и вот дает яркую, разную характеристику помещичьей усадьбы, крепостничества...

Лев Длугач привлекает к себе внимание тем, что он владеет настоящей темой, что в его творчестве есть сила, но пламенная страсть.

Эта тема — ощущение победы над прошлым, чувство радости, воспоминание о великом разрыве двух эпох, широта перспектив, раздвинутой утилитарности победившего класса.

Все окна настежь, круглый стол накрыт. Цветы участвуют в живой беседе. Но выросли они из-под копыт Коня, приравнявшего меня к победе...

Мелкое чувство живит — оно Из темных извилин земли и мозга Вывинуется как червь.

Прошлое Л. Длугач умеет изображать с тем сарказмом, который отталкивает, частные примеры превращает в клеймо обобщающее все пороки, отталкивающие, гойные наследия старого мира.

В этом смысле характерна поэма «Ять». Устаревшая буква алфавита, архаическое начертание, исчезнувшие из памяти молодого поколения...

В «Ять» Л. Длугач сумел с помощью такой детали создать панфлет, всем острым своим направленным не против того несовершенства, общепризнанного, что сразу возникает в связи с этой эпопеей буквы, а против самой сердцевины инертных общественных отношений, извращенного строя.

Крест, поставленный неграмотным крестьянином вместо подписа, кресты могила, георгиевские кресты — тот же способ использования детали, как повод к обобщению, что и в поэме «Ять».

И сразу рождаются образы, связанные с отвратительными погротами, с безразличным призывом парсуки бомбардиров, с разгулом черпостной нечисти.

Приобрел... Цвел... Каждая привычная формулировка раскрывается в своем социальном, классовом смысле. Грамматика Длугача становится старым историческим курсом, сводящим к несомненным лакокрасочным характеристикам мрачную картину царской России.

И теперь прежнему властителю буква «ять» дорога как последняя буква русской азбуки, доставшаяся в их владение.

Кажется, у них от русской речи Сохранилась только буква «ять»... Скромная, ехидная буква, дающая перекладывающую виселицу, показана поэтом как повод к обобщению всего звериного, варварского, что спрессовано в идеологии врагов рабочего класса.

Свастикки фашистской очертанье Только тень последней буквы... («Ять».)

Поэма выводит нас из этого удручающего, низкого мира на новые просторы, и «московский кругосветный ветер» поветят и близок, как дыхание человеческого вечно после страстного обвинительного описания, данного в предыдущих главах.

Почти в каждом стихотворении Л. Длугач напоминает о прошлом. Сегодня «сила в наших руках» («Речь о деревне»), сегодня цветет страна, но нельзя забыть тех лет, когда в неграмотной и нищей, приделанной грязным сапогом рабладельца.

В слепых боях, лишенных всякой мысли. Среди окопной тьмы и духоты, Как символы невесты, повисли Георгиевские кресты... («Рассказ о письмах».)

Ты вернулась из походов грубых, Но живешь во всех твоих делах Песня, извивавшаяся в трубах И залепкалась на губах.

Он знает: Чтб найти свои приметы, надо Знать сердцевины страны... («Работа».)

Он добит «хорошее утро», когда Как легкое яблоко, Первый ранет, Как соты послушных И шустрых планет, Насует мачи в облака... («Хорошее утро».)

В теме Л. Длугача, в его поэтической позиции много схожего с творческой направленностью Олдуара Багрицкого. У Л. Длугача есть свой тембр, свое поэтическое дыхание. Он говорит от лица другого поколения, чья молодость совпала с первыми зорями страны, кто ощущает себя сверстником современной молодежи по чувствам, мыслям, настроениям.

В стихах Л. Длугача нет того полноты, что у Багрицкого, но в них есть та же сила мысли, та же глубина мысли, та же сила мысли, та же глубина мысли, та же сила мысли, та же глубина мысли...

Его московские пейзажи, его зарисовки отдельных бытовых деталей обладают той весенней озабоченностью, которая могла родиться только у поэта, владеющего сегодняшними людьми нашей страны, сегодняшними их замечательные подвиги. В стихах Л. Длугача нет прямого рассказа о них, но вся атмосфера их определена этим вновь познавшим социалистическим качеством великой нашей родины.

Стихи Л. Длугача говорят о том, что пришел поэт яркого темперамента, большой внутренней убежденности, обладающий значительным арсеналом изобразительных средств.

Права, стихи его еще далеки от зрелости. Можно найти и штампы, и неряшливость, и бедную декоративность в отдельных стихах поэта. Голос Л. Длугача должен окрепнуть, отстояться для того, чтобы тема его творчества оказалась раскрытой сполна. И в последней поэме «Речь о деревне» можно найти еще немало мест, когда образное раскрытие материала подменяется риторикой, когда изощренное усложнение образа ведет к его ослаблению. Но начало поэтического пути Л. Длугача позволяет рассчитывать, что эти стороны не определят основной магистраль, что Л. Длугач сумеет добиться высокой остроты каждой строки, сохраняя то целостное, убеждающее ощущение действительности, которое подкупает читателя в первых стихах поэта.

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ.

Гравюры на дереве А. Кравченко к повестям Н. В. Гоголя: «Нос», «Шинель», «Невский проспект», выпускаемым Гослитиздатом.

ПРОЗА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

А. Болотников

Мы очень плохо знаем историю и современную действительность стран Ближнего Востока, или Востока мусульманского. Между тем такие страны, как Турция, Иран (Персия), Арабия, Сирия, Египет, имеют замечательную историю и во многих отношениях интересную современность. Еще кое-что читатель наш знает о Турции и, пожалуй, об Иране. Но об арабских странах сведения эти очень скудны.

А ведь мусульманский Восток — это удивительно социальное и культурное явление — совсем в недалеком прошлом входила в территорию нашего Союза. Его пережитки не искоренены в полной мере и сейчас. Вот почему важно историю в современном быт народов зарубежного Ближнего Востока это значит знать многое из истории наших национальных республик и вояию убеждать в могущественной, единственной способной разрешить все «проярктные» противоречия Востока, силе proletарской революции.

Старая литературно-художественная культура стран Ближнего Востока находит свое выражение преимущественно в поэзии. Художественная проза Востока в прошлом была гавята мало. Сказки 1001 ночи, басни Калылы и Димны — вот в основном и все, что знаем мы из художественной прозы классического арабского Востока. Повесть же, например, для арабской литературы представляла совершенно неизвестный жанр. Этот новый вид литературного творчества стал проникать в арабский мир только в XX в. под влиянием европейской литературы. В основном закономерности имеет место и в иракской и даже в турецкой литературах. Их проза развивается в наиболее распространённых и известных в Европе жанрах — роман, повесть, новелла — лишь в XX в. Все это не могло не отложить определенного отпечатка на прозу арабских (а также ирландских и отчасти турецких) авторов. Их проза еще очень примитивна в смысле изобразительности и сличном подражательности в отношении композиции. Об идеальной же наглядности и говорить нечего. И тем не менее следует пожелать, чтобы на этот раз очень мало издается переводной литературы с этих языков. Мы

узнаем о ней лишь по отдельным, почти случайным книгам. Между тем, чтобы лучше знать и воздействовать на литературный процесс, происходящий у нас в странах советского Востока, нам необходимо внимательно изучать творчество писателей зарубежного Ближнего Востока. Тем более, что в прошлом литературный язык народов шла по общему руслу, и целый ряд литературных памятников Востока являются также достоянием наших национальных культур Советского читателя было бы интересно иметь хорошие и обстоятельные обзоры современных литератур Ближнего Востока. На фоне этих обзоров легко можно было бы выбрать наиболее яркие произведения для перевода. Наши литературные издательства и журналы должны включать в план своей работы такую задачу. Пора покончить с экзотическим барьером отношением к культуре Востока.

Передо мной две книжки, переведенные в последнее время с иракского и арабского: «Странный Терран» Каземи и «Дни» Таха Хусейна.

Роман «Странный Терран» в переводе иракского т. В. Тарова надан — и хорошо издан — в Ташкенте САОИЗОМ. Действие романа разворачивается на рубеже 20-х годов прошлого столетия, в эпоху известного перелома, определяющего движение Ирана в сторону установления и закрепления власти нынешнего Реахаша Пехлеви. В это время шла ожесточенная борьба за первенство двух классовых сил Ирана — национальной антиимпериалистической буржуазии, провалявшей опереться на народные массы, и силы реакционных иракских феодалов. Национальная буржуазия была нападательной стороной и автор «Странный Терран» был ее идейным оружием. Немного было сокращено или в крайнем мере возможно было бы расширить и без того колоссальные твердые диктатуры ашрафов. И роман Каземи — особенно в первой книге, которая только и переведена

на русский язык — сыграл в этом смысле, надо полагать, немалую роль. «Старый порядок» Ирана shaken до всей своей — поистине страшной — красе. Перед читателем проходят кадры с самыми различными классами Ирана. Мы видим и помещичьи, и именованное кушество, представители которого были знакомы нам в свое время еще по Нижегородской ярмарке, и чьяпоиников самых различных калиторов, и ирражение роковую роль в истории Востока мусульманское духовенство, и ремесленники с крестьянами, и полцию, и деклассированные элементы. Автор показывает читателю картины душевной и телесной жизни курителю ому, иракской тюрьмы, публичных домов и непривычного для европейца алдурца — женской половины иракского дома.

«Странный Терран» построен очень элементарно. Роман построит триниальная история юности Фераха, происходящего из обедневшей, но благородной и культурно-перелодной семьи, решившего во что бы то ни стало соединиться с любимой им девушкой Мени, сочувствующей и любящей Фераха. Брак противится родители девушки, и Ферах убегает во вся всякая, лишь бы добиться своего. И вот перед нами глупые переделки Террана, его удивительно халявные (проспекты) и илошад. Раскрываются завешные дери, приползает чадра, разоблачаются большие и малые тайны иракского быта... Книга читается с большим интересом, несмотря на плохой язык в местах повнуую композицию. Впрочем, пачет языка особенно требовательным к автору быт и некая Дня прозы стояния на уровне современной европейской прозы, у иракцев нет еще языка. Язык классических поэтов для этого мало пригоден, а самостоятельная культура прозаического литературного языка в Иране, как сказано, нет. Мы предлагаем автору и его натурализм (местами совсем беспомощным в художественном отношении).

Несмотря на эти недостатки, писатель сумел хорошо показать и не

принужденно рассказать многое из того, чего мы не знали об Иране, и что нам казалось совсем в ином свете. Каземи прекрасно развенчал экзотизм Востока, от которой еще и до сих пор сходит с ума буржуазные востоковеды.

Особенно хорошо показал автор тяжелое положение мусульманской женщины, этой невольной авторницы алдурца, веками воспитываемая лишь как постыдная принадлежность мужчины, бесправной, тупой, суеверной и развращенной Каземи доходит здесь даже до односторонности. Во всем его романе нет ни одного отрицательного женского типа. Пороки женщины в его описаниях созданы мужчинами — сами по себе все женщины хорошие, добрые и любят справедливость. Как бы для априорного оправдания их автор пишет: Что может сделать несчастная девушка в этом мире, где женщины относятся, как к необходимым в хозяйстве вещам, которые, когда изнашиваются, можно переменить, где мужчина может находить в женщине любые недостатки, а женщина не может осуждать мужа даже за полноту.

Впрочем, Каземи видит и глубже. Подводя итоги влюбленным своего несчастного героя, возмущенного в перенасыщенном сличными силами ашрафов, автор восклицает: «Иди оти!», а ашрафы и ике с ними — А. Б.) — воры, но такие воры, которые сами сулят верю, дарю, дари, люба, борются с дармоулетом; дураки, притворяющиеся умными, дула без принципов, но с демагогией, любители крепких напитков на людях не выпить ничего, кроме воды; переласты, приклядающиеся истинными мусульманами. Любя эти — подлинные убийцы слабых, толпушие ногами права всех ниже стоящих и зависимых и не признающие за людьми вообще никаких прав. Эти негодяи нато! именуют себя представителями и вождями народа и занимают высокие государственные посты. Но в действительности они — враги свободы и просвещения, погубившие свое счастье на людском невежестве и темноте, в злобности на невежество женщины. Если бы только человечество смогло объединиться — сокрушено

среднего достатка. Опять перед нами типичные, освобожденные от всевозможной европейской экзотики, картины быта мусульманского Востока. И опять беспомощность изобразительных средств автора и отсутствие сколько-нибудь выразительной идеи. Композиция же повести замешана на у Бонжана и Дефла, из их французской трилогии, первая часть которой «Мансур» еще в 1928 г. переведена на русский язык. Слепой, но прекрасно одаренный мальчик, со всех сторон окруженный суеверием, невежеством и ханжеством. Ничем невозмутимая невозможность, один день, как другой, иногда лишь с мельчайшими вариациями и очень редкими лирическими вставками. «Так и так садки на горький, а только по враньям казался сладким», иногда горьким, в промечтатель же оставшие тепловатыми, безукладными. Особенно хорошо показана провинциальная арабская школа, где мальчики механически заучивают коран и легко постигают механку несложных отношений взрослых, причуающие к плутовству, втяткам, обману и лжи. Впрочем, герой хроника имманентно стремится к добродетельной жизни ученого. Он не только выучивает коран, но хорошо усваивает веританити корана, т. е. способ торжественного чтения. Однако заветная мечта мальчика — попасть в либеральную национальную буржуазия. Иран вернулся к «своей» прежней жизни, и Ферах вернит буржуазному всем линиям. Он женится на одной несчастной, слепой и ни на одной притом женщине и воспитывает в тиши семейного очага своего сына Сласти сына от тени и силков страшного Террана — вот конечный дог и цель Фераха. На бревна получается летевая зубочистка. Впрочем, «Странный Терран», особенно если не читать вторую книгу, остается лучшим произведением Каземи.

Повесть «Дни» Таха Хусейна, переведенная и снабженная необходимым аппаратом И. Ю. Крачковским, представляет собой удивительный отрывок из автобиографии известного каирского ученого, профессора египетского университета Таха Хусейна. Действие ее — если вообще можно говорить здесь о действительности — происходит на берегах Нила в некоем городе первого Египта на рубеже XIX и XX вв. Это семейная хроника слепого мальчика, отец которого является шейхом (хозяином)

сказано, ослеп в самом раннем детстве и автобиография его есть путь развития слепого ребенка. Нам правится также в повести умение автора связать в немногих словах очень многое. В повести не больше 4 печатных листов, а между тем автор сумел рассказать большое количество самых разнообразных вещей. В этом отношении книга просто поучительна. Однако и эту книгу, как и выше-разобраный роман Каземи, портит кое-что. Оказывается, вся повесть написана в поучение детям. Таха Хусейн заканчивает ее назидательным обращением к своей десятилетней дочке. Дело в том, что автор после каирской духовной школы учился в Париже, где он и получил звание профессора и женился на французской жене. Жена, видимо, сыграла большую роль в «обрешении» правосознания мусульманства в европейских... привязывание. И благодаря автору проявляет обычные слезы умиления перед этой женщиной. Тяжело, беспротестно мрачные картины своего детства писатель заключает риторически: «Такова была жизнь твоего отца тридцать лет от роду». И сразу же после этого — сладкая философия: Как же он дошел до настоящего положения? Как его вид стал привлекательным на тем что глаза не останавливаются на нем с жалостью? Как он мог подготовить тебе и твоему брату приятную жизнь, которая вас окружает? Как он мог возбудить в душе многих людей любовь, злобу и ненависть? Как он мог возбудить в душе других людей любовь и уважение и сочувствие? Эта удивительная трансформация оказывается совершенной не в силу таланта и трудолюбивого упорства автора. Нет. Демиртурм превращения был «ангел-хранитель» — жена и мать его детей. «Этот ангел, моя дочка, склонился над твоим отцом и заменил ему нужду — довольством, отчаяние — надеждой, бедность — богатством, а нечестие — счастьем и светом. Дог твоего отца перед этим ангелом ле меньше твоего долга!» Такова слащаво-сентиментальная мораль единственного пока художественного произведения Таха Хусейна. Жалкая мораль!

В. Маргарит

В. МАРГАРИТ. «ЖЕНЕВА»

ПИСЬМО А. БАРБЮСА К ГЕРМАНСКОМУ НАРОДУ

В «Монд» опубликовано письмо Апри Барбюса к германскому народу...

Тереза Субиз проснулась, сбросила одеяло и поблуждала к окну...

Вид из окна — вот единственное достоинство тесного, узкого номера...

Главы правительства, министры, политические и финансовые эксперты...

Тереза не имела возможности приехать вовремя...

Взгляд из окна на бульвары: подлинно девятый. Она едва успевает...

Какая захватывающим зрелищем была эта трагедия, где Лига наций...

Прошло уже шесть лет с тех пор, как маршал Фош заявил перед войною комиссию...

«Утверждал, что к 31 января 1927 г. вооружением Германии было вполне эффективнее результаты...

Ровно в четверть десятого Тереза позвонила Лидиру...

«Первые известия о бомбардировке Шанхая японским флотом и о десятке...

Когда Тереза в одиночестве делала свой обычный утренний завтрак...

«Добрый день, малым Субиз. — Судакану Кану! Здравствуйте. Она поздравляла нас со своим японским коллегой...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

Еврейское гетто в Варшаве. С офор та молодого польского художника Ю. Ш. Вермуса.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД И ПЭН-КЛУБЫ

Громадна та роль, которую сыграл съезд советских писателей. Значение этого съезда...

В последнем номере «Монд» мы находим различные материалы...

Здесь, в Рагузе, впервые встретились немецкие писатели-эмигранты...

Немецкий революционный писатель Эрнст Толлер...

Привет ля Маринетти на конгрессе, проектируемый Эмилем Людвигом?

Конгресс принял ряд прекрасных и красивых резолюций...

В Англии организуются международный конкурс на лучшее художественное произведение...

Права участия в конкурсе имеют писатели всех стран и народов...

Писателям следует избегать чужеземных влияний...

Трудно сказать, многие ли из делегатов конгресса...

Прошел год. Немецкие писатели давно устроились...

В начале июля наиболее квалифицированные писатели...

Организационный комитет приступил к организации...

«Отношения между национальными культурами...

Писатель в изгнании. Неблагая литература писателя...

Испрошения. — говорит Людвиг, — а папфилом Гадля...

Эмил Людвиг поставил перед конгрессом серьезный вопрос...

«... И я сказал Клодело: «Иди, обличиться в мундир и не возвращайся до тех пор, пока у вас не вырастет борода...»

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

явившимися в прияти, что они полагают, что в этот момент...

Выступление Толлера и на этот раз было не столько...

Есть в Германии великодушное и грозное меньшинство...

Мы протягиваем вам руки во имя этого торжествующего меньшинства...

«Хроника ГЕББЕЛЬС И... ШОЛОМ АШ»

Германское издательство, издавшее сочинения Аш...

«Литературный конкурс»

В Англии организуются международный конкурс...

Права участия в конкурсе имеют писатели всех стран...

Писателям следует избегать чужеземных влияний...

Трудно сказать, многие ли из делегатов конгресса...

Прошел год. Немецкие писатели давно устроились...

В начале июля наиболее квалифицированные писатели...

Организационный комитет приступил к организации...

«Отношения между национальными культурами...

Писатель в изгнании. Неблагая литература писателя...

Испрошения. — говорит Людвиг, — а папфилом Гадля...

Эмил Людвиг поставил перед конгрессом серьезный вопрос...

«... И я сказал Клодело: «Иди, обличиться в мундир и не возвращайся до тех пор, пока у вас не вырастет борода...»

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

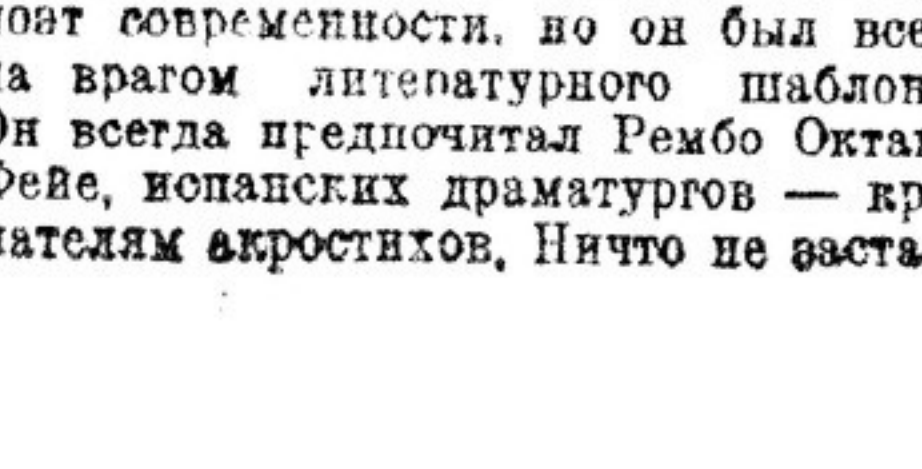
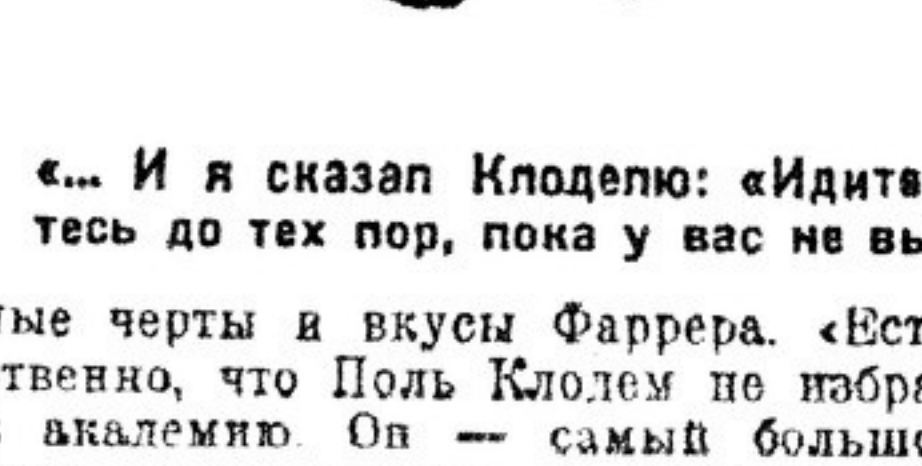
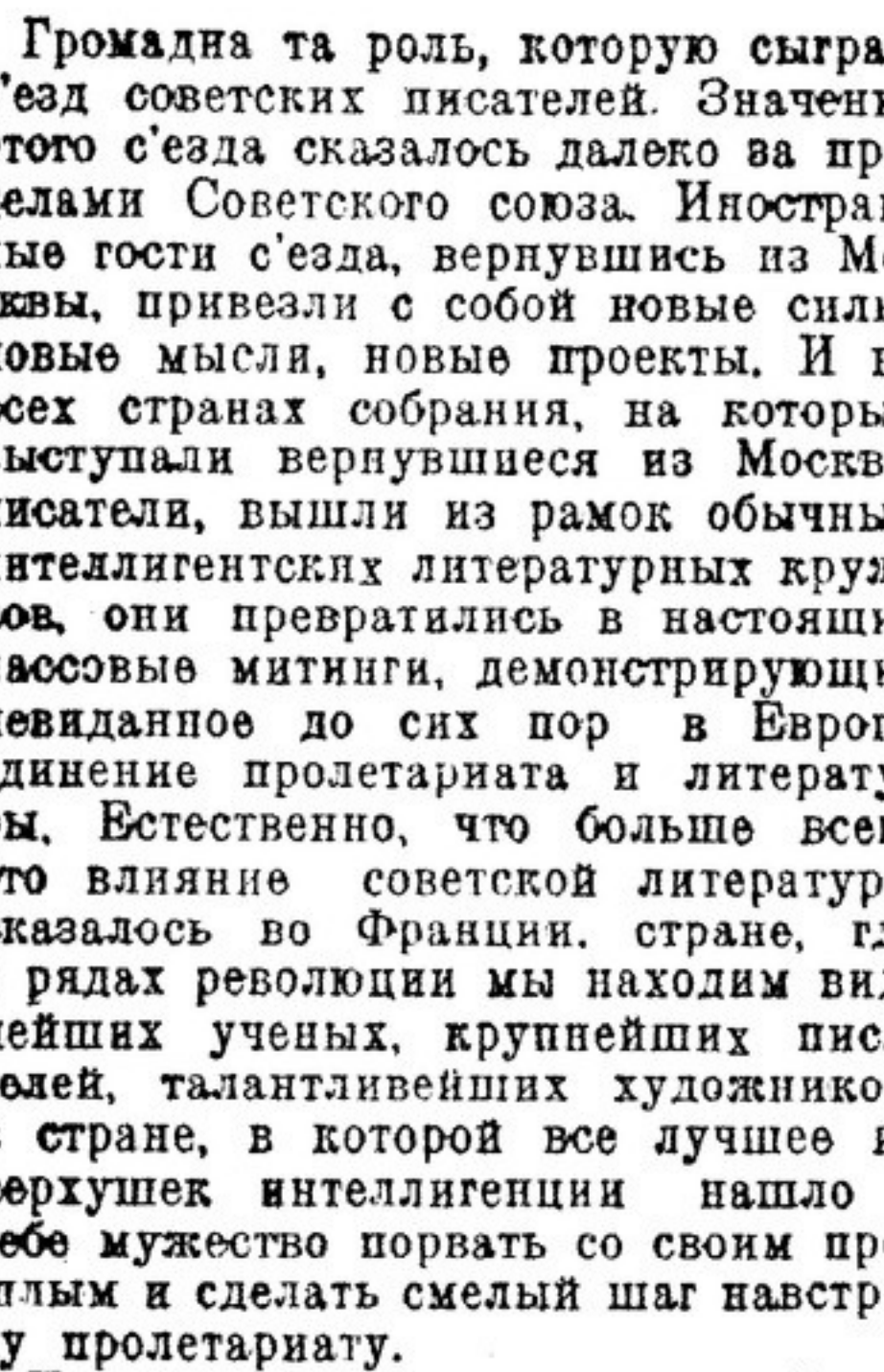
«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

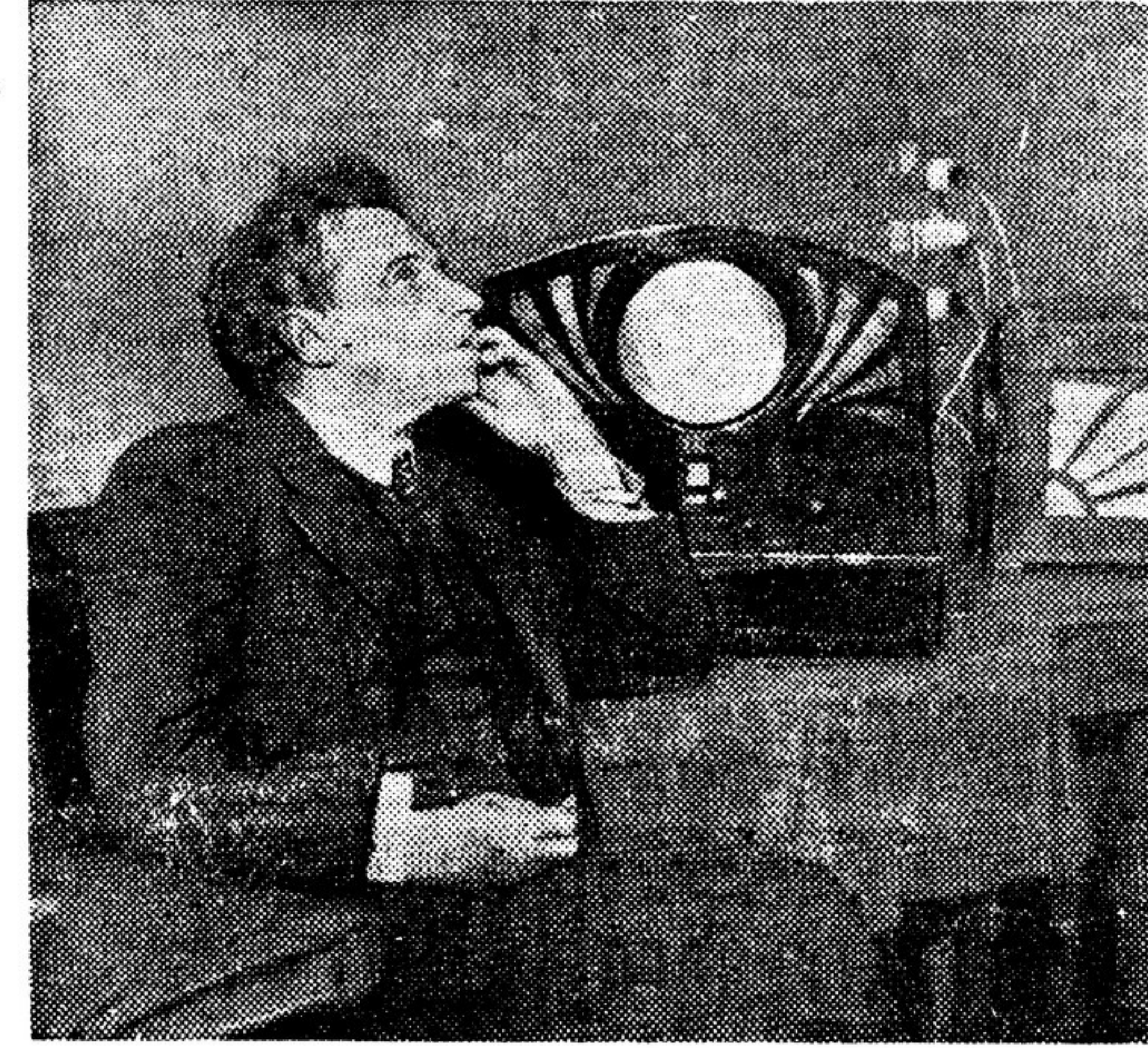
«Вот и наступила эта трагедия, которая по общему мнению, которую по торжественной воле миллионов людей приведет к уничтожению...

„КАМЕННЫЙ ГОСТЬ“

РАДИОСПЕКТАКЛЬ ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА

Всего Мейерхольд предпринял серию пушкинских спектаклей. Он поставил в Ленинградском Малом оперном театре «Шиковую даму» и для радиоспектакля — «Каменного гостя», он готовится к постановкам «Бориса Годунова» в театре своего имени и опер «Борис Годунов» и «Каменный гость» — в Малом оперном.

Нар. арт. республики В. Э. Мейерхольд на репетиции «Каменного гостя».

Эта серия — значительный этап в творчестве Мейерхольда. В статье «Вену-режиссер» Мейерхольд писал, что в пушкинской концепции драмы — «сплетение двух лейтмотивов: театр — условие и театр — природа». «Условие» и «природа» пушкинского театра близки Мейерхольду. Опыт, накопленный им в работе над русской классической драматургией, новые методы, созданные в процессе этой работы, позволяют ему выработать к творчеству величайшего из наших классиков.

Радиоспектакль «Каменного гостя» представляет двойной интерес: и как один из пушкинских спектаклей Мейерхольда и как опыт работы на радио крупнейшего театрального мастера и актеров руководимого им театра.

Из четырех маленьких драм, написанных Пушкиным в Болдине (1830), «Каменный гость» наиболее интересное, наиболее театральное. Если три другие — своего рода драматические фрагменты, то «Каменный гость» — настоящая пьеса. Ее чувства и события, которые автору других драматических произведений у Дон-Хуана развивались в больших пьесах, Пушкин сумел сконцентрировать в четырех маленьких сценах. Отсюда — сжатость и сила выразительности его «Каменного гостя» — свойства, особенно ценные для радиоспектакля.

Взаимен пренебрего французенно «Дон-Хуан» в спектакле звучит испанское произношение «Дон-Хуан», к которому, очевидно, и хотел приблизиться Пушкин, давая в своей рукописи транскрипцию «Дон-Гуан», восстанавливаемую в новейших изданиях.

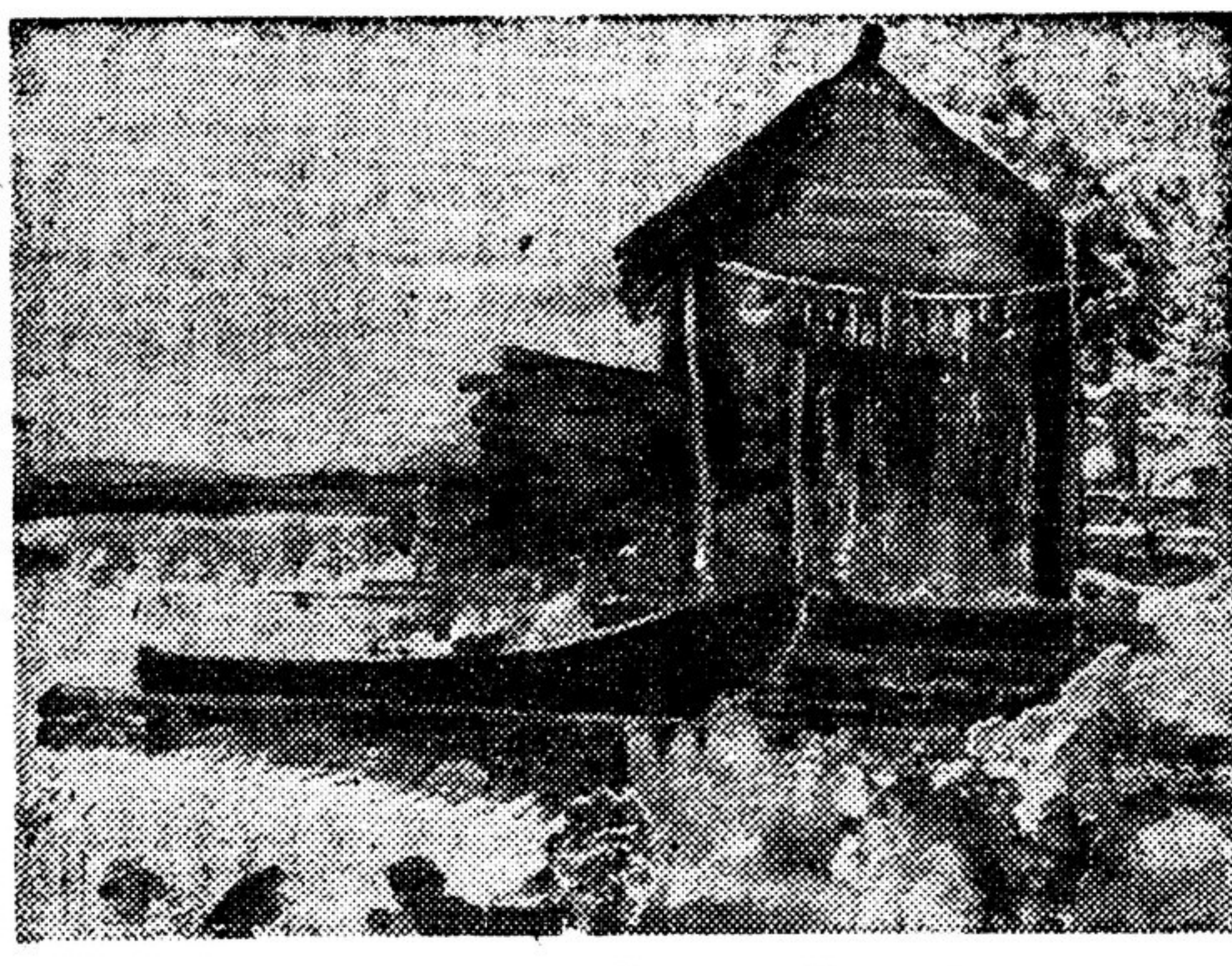
Выставка В. Рождественского

Рождественский в последние годы находился как-то в тени. Он напоминал о своем существовании лишь несколькими работами на юбилейных выставках. А между тем Рождественский принадлежал к основной группе «Бубнового вальса» и в свое время участвовал вместе с Кочаповским, Машковым и Поступаловым в создании «Божьего во славу» Союзники и когда на смену русскому сезону пришел русский вариант кубизма, Рождественский и здесь был точно так же в первых рядах. Но в последние годы, когда встал совсем новый эстетический социалистический реализм, Рождественский стал незаметным. Его имя звучало скорее как воспоминание, чем как имя активно работающего на виду художника. Очевидно, перестройка давалась ему с трудом, и требовательный художник не хотел показывать вещей, недостаточно определенных.

Выставка работ Рождественского за шесть лет (1928—1934 гг.), открывшаяся в Музее изобразительных искусств, показывает, что художник за эти годы много и упорно работал. Это впечатление большого, серьезного, напряженного труда, первое, которое получается от выставки.

Для тех, кто знал прежнего Рождественского, перемена характера. Переменился не только характер живописи, но даже тип художника. Ничего не осталось от Рождественского, любовавшегося эффектами кубистических слитков хрусталя и цветного стекла. Только одна картина «Бродячий парижанин» дослуживает напоминанием о Рождественском, увлекавшемся эстетическим колоритом Средней Азии, который он никак не мог привести к гармонии.

Выставка напоминает «Природа и строительство СССР» (Средняя Азия, Алтай, Северный Урал, Южный Урал, Северный край, Химстрой — Березники, Кузнецкстрой). Такая громадная тема в руках выдающегося мастера, естественно, вырастает в художественное событие. А Рождественский, несомненно, выдающийся мастер. У него есть громадная культура живописи. Все его работы предельно «деланы». В семидесяти картинах Рождественского нельзя найти квадратного сантиметра живописи, за который можно было бы упрекнуть художника в неаккуратности или небрежности. Это — редкое и ценное качество. Это настоящее уважение художника к зрителю и к своему ремеслу (качество, которого многим нашим мастерам, увы, недостает). Причем это мастерство живописца не покидает художника. Все всех

В. Рождественский «На озере» (Карелия).

его работ только одну черпильную ночь «Строительство Дома Советов» можно назвать недостойной мастера. Высокий уровень живописи придает выставке своеобразную ровность. Здесь нет сырых, но нет и высушенного Рождественского безразличия, но есть порыв даже хочется, чтобы это было не так технично совершенно. Но чтобы это выразило живое человеческое чувство.

Советский художник обещал весь труд и нето очень внимательный глаз, но это глаз объектива. У него нет пристрастий, для него все только красиво: иной Подкистава или холм Севера не поднимает и не опускает его творческой температуры ни на один градус. И не то чтобы у художника совершенно отсутствовал дар. Но это даром задуман гипертрофией живописной техники. Если случайно попадается среди этих картин работа, написанная просто, как этот «У озера», она оказывается наиболее лиричной. Чрезвычайная работа о поверхности картины заслоняет образ. Делать оговорки, что живопись нельзя врать. Новые художники всеми силами старались опровергнуть это утверждение. Живопись Рождественского можно не только врать, но даже расматривать в лупу. Вот портрет «Вышла Нянька». По образу — это вполне передвижническая вещь, но походить банально и видеть, что заплата

черкут эту мысль единством планировки обеих женских комнат» (Н. Волков «Мейерхольд», том II). И, очевидно, он руководствовался этой же мыслью, получая в радиоспектакле роли донны Анны и Лауры одной актрисе. Зинаида Райх блестяще преодолела трудности своей задачи: она дала два ярко вычленившихся психологически совершенно различных образа, два резко отличных друг от друга ритмических и интонационных рисунка, но все условно общностью темповых оттенков она как бы намекает на внутреннее единство этих образов.

Речь здесь идет об образах, игре и т. д., потому что в условиях радиоспектакля Мейерхольд сумел создать настоящий спектакль, отличающийся такой пластичностью, что полнота звукового впечатления освобождает нас от ощущения отсутствия зрительных форм, причем пушкинский текст сохранен в полной неприкосновенности.

На единой романтической основе спектакля развернута сложная смена ритмов и настроений, строящаяся на разнообразии эмоциональных окрасок и темповых решений отдельных кусков текста и музыки и на их, так сказать, слуховой планировке. Простыми, казалось бы, средствами, при минимуме звуковых эффектов (ляг завова, бой часов и т. п.) Мейерхольд достигает большой внутренней выразительности, живописности звуковых впечатлений, сохраняет пушкинскую легкость и приближается к духу музыки Моцарта, под влиянием которой Пушкин писал своего «Каменного гостя». Он реально воссоздает в воображении слушателей романтику старой Испании, страны «плача и плаги».

Как и в своих драматических спектаклях, он обычно усаждает постановку музыкой. Она во многих местах образует основу словесной, усиливает его эмоциональное звучание, заостряет его ритмическую структуру; отдельные музыкальные цели служат увертюрами и заключительными спелыми антрактами между ними. В двух романах Лауры (для них ваяты «Испанский романс» и «Я здесь, Инчонья» Пушкина) в музыкальную ткань вклиниваются реплики — одобрительные возгласы дон-Хуана, Композитор В. Я. Шебалин блестяще передает остро и напряженно мелодики и гармонии испанской музыки.

И, конечно, этого успеха не было бы, если бы исполнители не справились с произнесенным текстом. Но артисты гос. театра им. Вс. Мейерхольда, строящего свое искусство на основах музыкальных, почувствовали дух пушкинских стихов и сумели донести до слушателя их содержание, не только не жертвуя их замечательным ритмическим дыханием, но слаяв то и другое в неразрывное единство.

Эта 45-минутная передача, служащая образцом органичного, глубоко подуманного перенесения методов авангардного драматического театра в радио, выступает в качестве настоящего пропагандиста творчества Пушкина.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ.

Р. С. Нелля не отметит культурности, с которой обставлена передача. Текст выверен по материалу нового академического издания Пушкина. Спектакль предстает историко-литературное предисловие М. Цыковского.

А. Ф.

СЕРОВ

Большая, значительная выставка. Мы знали Серова в разное, но выставка впервые показала мастера во все расцвете, раскрыла его дневники и рабочие записки.

Серовское мастерство захватывает с первого взгляда. Исключительный артистизм серовских полотен и рисунков, оправданное, выношенное мастерство их «реализации». Это художник редкого в русском искусстве чувства стили. Это, казалось бы, принципиально западный, непохожий на бодрый русский живописец, превративший зачастую форму, стилизировав правды жизни. Он олицетворяет. Он испытует каждую деталь, вверяемому в мастерской современному европейскому искусству. И вместе с тем — это художник большой русской традиции. Истоки творчества Серова живописца уходят к Чистякову, Рериху и Стасову. В своих последних портретах он учился у Левитского и Брюллова.

Декадант для реалист — кто же тот аполитичный художник, равно охватывающий в ранних портретах, скромных пейзажах и изумительных «Баснях», в поздних «розовских» великосветских портретах и декоративных полотнах?

Хотят ответить на этот вопрос много. Придирчивый социологический анализ разлагает живую ткань серовского творчества. Чертится

произнесен над его моделями. Но «артистизм» — вторая натура мастера. Он искал в жизни красоту, он хотел, чтобы стиль жизни отвечал стилю искусства. И открывал красоту в самых ничтожных моделях. Он не скрывал правды, но не был и сатириком. И всегда в его творчестве, даже в период самых острых увлечений модернизмом, звучала эстетическая нота простого, бескусственного изображения природы, прелести детских лиц, зверей и птиц.

Серов — художник переходной эпохи. Мы признаем его во всей его сложности и противоречивости, так как, каким он вошел в историю русского искусства.

Прошла четверть века со дня смерти Серова. Теперь мы видим: он был на голову выше своих современников — антиков переживших мастера и еще более ограниченных мастеров митископического декаданса. Он был глубже, содержательнее, противоречивее в своих исканиях, в своей страсти к жизни, в своем любопытстве.

Не потому ли Серов с таким постоянством изображал людей артистической среды?

Решившаяся записка всегда бродила в Серове. Он правдив во всех своих портретах. Поэтому мы их ясно читаем сейчас, когда суд истории уже

Даже «Навизия» и «Похищение Венеры» необычны для круга художника «Мира искусства», несмотря на то, что и последние в то время увлекались Эдгаром и его мифами. Для Серова — это мечта о радостной гармонии, полноте опущений, недоступной современности. Мечта, которой Серов пытался дать образ во всеоружии своего зрелого мастерства, своего изумительного чувства линии, ритма и краски.

Посмотрите на подготовительные этюды и эскизы мастера. Какой труд, какая сложная реалистическая подоснова наблюдения, отбора деталей, композиционного расчета скрыта за ровным письмом окончательного варианта. Не легче ли было, по примеру других, стилизовать архаические Афини, искать красоты в ущерб жизненности? Серов на это не шел. Он стремился передать и в этих своих декоративных полотнах радость движения, а не статику совершенства. Он был, рассказавшего грубую волю, соленый ветер моря, аромат мифа таким, каким он представляется действительному человеку.

В. Серов. Автопортрет.

ЛЕВ ДЛИГАЧ поселок ПАМЯТИ ЭДУАРДА БАГРИЦКОГО

«Декабрь — полночь года»,
(Мопассан).

И рыбы смутный блеск при свете
очага,
Ты шел с отрядом в лес,
пахая нахлобучки,
Ты реки расчищал
для мелководных рыб,
Ты бил шальную дичь,
и сотни цепких сучьев
Тебя остановить в походе не могли б.
Дожди,
трескучий град,
болота в нежной расе,
Трава
и крепкий снег —
перед тобой равны.
При мысли о тебе
приходит в ярость краски,
И гульки паса зарей обведены.

Но ты не мог дышать,
Дерева,
стены,
мебель
Ты раздвигал, как дым,
настойчивой рукой,
Так дышат иногда
в опустошенном небе
Над грудой облаков,
над меркнувшей рекой...

Я помню каждый взгляд
и каждый взмах страницы,
И каждый сплыв аэра,
Я помню, как при мне
Аквариум тускнел,
и задыхались птицы
В припадочной,
пустой
и хищной тишине.
Я помню:
приспосаблился к бревенчатому дому,
Посыпалась тень,
и дерево росло...
Мне хочется прилечь
на рыжую солому,
Чтоб туча надо мной
ходила тяжело.

Я не смыкаю глаз,
То лес гудит
и стонет,
То в бочке тает лед,
и каплет в снег вода,
То шаткий дом
в слезе
туманится
и тонет,
То вздрогнет надо мной
студеная звезда.

Ты видел низкий дом
с его чугунным дымом,
И оживает все
в поселке недвижимом,
К тебе летят щеглы
сбивоз ветры
и свисты.
Ты видел низкий дом
с его чугунным дымом,

ОЧЕРЕДНОЕ ОТКРЫТИЕ

Установлено: 1) что театральная критика в вообще театральная общественность не расширяют своего интереса за пределы Театральной площади и прилегающих к ней улиц и во всяком случае не уходят от театров, расположенных в кольце «А»; 2) что это очень нехорошо и «пора с таким положением решительно покончить»; и 3) что, несмотря на все заклинания, все остается по-старому.

Принадли самокритики на театральную общественность находят раз-два в год. Тогда происходит «открытие» театров, работающих в крупнейших районах и клубах Москвы. Тогда оказывается, что они имеют немалые достижения и могут сравниться с некоторыми театрами центра (города).

В числе прочего читатель узнает, что вновь «открыты» театр существует уже 5—8 лет, пропустил через свои спектакли не один десяток тысяч зрителей и пользуется самыми теплыми симпатиями трудящегося населения своего района.

Еще пару лет назад и «открытый» театр и его зритель после каждой такой «сенсации» надеялись, что теперь-то наконец они попали в невероятную медленно расширяющуюся поле зрения театрально-критической общественности. Но каждый раз это поле с молниеносной быстротой сужалось до своих прежних размеров. И сейчас уже все знает, что от «открытия» к «открытию» районные театры снова предаются полному забвению и остаются в стороне от жизни. Как только художники коснутся кисти холста, все предметы превращаются в драгоценную красочную пену, и оказывается, что при необыкновенной точности передачи внешнего, при необыкновенном внимании к деталям, вся живопись Рождественского в значительной степени беспредметна, потому что она абстрактна и не показывает вещей в их материальном отношении друг к другу. Отдельными же кусками живописи в таких работах, как «Полдня осень», нельзя не любоваться.

З. ВИКТОРОВ

стойкие мастера! Театр Ленсовета за 8½ лет своей работы создал крепкий актерский коллектив, в котором оказалось достаточно энтузиастов, способных укрепить театр, несмотря на отсутствие театрально-общественного внимания к нему и неоднократные неудачи в искусстве. С вступлением на пост худ. руководителя засл. арт. К. А. Зубова эта последняя проблема была наконец разрешена вполне удачно.

За неимением же профессионалов театр с лихвой был вознагражден заботой и любовью многотысячного пролетарского артиста Ленинского района.

Впрочем, и профессиональная критика не могла обойти молчаливо такие работы театра, как «Мобилизация чувств», «Гавань бурь» и др., но тогда не признавать мастера таких актеров, как Плотников, Левыкина. Последний спектакль этого крупнейшего районного театра Москвы — «Октябрьский выпуск» — снова свидетельствует и об успехах театра и о трудностях работы вне систематического содружества с театральной общественностью.

Пьеса Вейценкорна — одна из серии пьес о буржуазной прессе, типа «Сенсации», «Рекламы» и многих других в этом роде. В погоне за сенсацией разбойники пера разбивают вышесказанную жизнь одной семьи; те же из них, в которых еще теплится человеческое чувство, рвут с газетной бандой и идут искать «правды». Именно такими абстрактными категориями мелкобуржуазной морали и идеологии оперирует Вейценкорн, и не пытающийся сделать каких-либо социальных обобщений, решительных выводов.

Театр (постановка арт. А. Плотникова, первая его режиссерская работа) усилил социальные аспекты пьесы, увеличил ее контрастность, сознательно для этого идеализировав «честную американскую семью». Но он не сделал основного, не тронул главного: совершенно искусственной, порочной линии Рэндалла, оставив его раскаивающимся и страдаящим. Рэндалла надо было помириться с Хичклиффом и К-о. Он все равно помирится с ними, человек без воли, без убеждений... Рэндалла верить нельзя, а театр ему поверил и даже сделал для него оптимистический финал.

Вообще театр в редакции буржуазной газеты чувствует себя не вполне хорошо. «Очевиднейший» Хичклифф — это лишь антиграмм, который сам является штампом. Совсем трафаретны и остальные — Эдвард, Кермоли, Френч, Брангант. Лишь гротескный Айзопод, которого прекрасно играет арт. Кузовков, решительно рвет со штампом; именно в таком толковании образ пьесы и находился верный ключ.

Значительно сильнее «семейная» линия спектакля, которую очень талантливо ведет арт. Левыкина — Нэнси Бурхиз. Для этой линии театр, постановщик и художник нашли свои слова, свои краски. Буржуазная мелодрама здесь становится социаль-

ной драмой, трогательная история одной мелкобуржуазной семьи становится жуткой историей многих и многих.

Именно потому, что мы видим большие, адорные силы в театре Ленсовета, мы так настойчиво хотим, чтобы он был полностью и каждый день включен в творческое совершенствование с другими театрами, чтобы во его работе сделана постановка, чтобы ему помогали систематически.

Такая обстановка поможет театру быстрее преодолеть некоторые недостатки, которые чувствуются в его последней постановке, она послужит театру стимулом в борьбе за качество не только всей постановки, но и отдельных деталей, в борьбе за эстетическую культуру и мастерство.

Итак, вспомним: театр Ленсовета открыл 8½ лет назад!

ЗРИТЕЛЬ.

Рис. А. Лаптева

Айзопод — арт. Кузовков

Нэнси Бурхиз — арт. Левыкина.

